

Байки доктора Данилова 2

Автор:

Андрей Шляхов

Байки доктора Данилова 2

Андрей Леонович Шляхов

Доктор Данилов продолжает выступать в роли рассказчика. Он рассказывает о себе и о своих коллегах. Все истории реальны, даже те, которые кажутся совершенно невероятными. Первая часть баек, которые, наверное, стоило бы назвать «легендами», выходила под названием «Хроники безумной подстанции».

Андрей Шляхов

Байки доктора Данилова 2

Доктор Данилов не только хороший врач и хороший человек, но еще и хороший рассказчик. Только ему все никак не выпадало случая выступить в роли рассказчика. Теперь эта вопиющая несправедливость ликвидирована. В этой книге доктор Данилов продолжает рассказывать о себе и о коллегах. Имена и фамилии всех действующих лиц изменены. Автор не несет ответственности за то, если кто-то себя узнает.

«Все, что сумел запомнить, я сразу перечислил,

Надиктовал на ленту и даже записал.

Но надо мной парили разрозненные мысли

И стукались боками о вахтенный журнал».

Владимир Высоцкий, «Все, что сумел запомнить...»

Орлеанская дева

Дело было в середине девяностых, в ту далекую доджипиэсную пору, когда мобильные телефоны были только у избранных и разговоры по ним велись крайне лаконичные. Вы деньги перечислили? Ну сколько можно ждать? Счетчик включен! Отбой...

В те славные лихие времена на одной из подстанций московской скорой помощи работал доктор Юренив по прозвищу «Орлеанская дева».

Ничего девичьего в этом бородатом толстом и малость звероподобном амбале не было и на классический образ национальной героини Франции Жанны д'Арк он был похож примерно так же, как мотоцикл на виолончель. Просто всякий раз, когда Юрениву предлагали что-то невыгодное, он ехидно интересовался:

– Я вам что – Орлеанская дева?

Так прозвище и прилипло.

Новички мужского пола оживлялись, когда старший фельдшер Казарина говорила им:

– Я вас на стажировку к Орлеанской деве поставила.

При личном знакомстве с наставником оживление сразу же гасло, а в процессе наставничества к Юрениву вырабатывалась стойкая неприязнь. Юренив учил хорошо, на совесть, но с постоянными комментариями вроде: «Ну кто же так трубку вставляет, муд...о косорукое?! С женщинами тоже так управляешься? Ой, жалко мне тебя».

Но дело не в этом.

Дело в том, что как-то зимой, в студеную январскую пору, водитель Кукин, работавший вместе с Юрневым, собрался отвезти на дачу холодильник. Разумеется – на рабочей лошадке, поскольку в кукинскую «шестерку» это изделие автомобильного завода имени Лихачева (помнить ли кто сейчас этого монстра, территория которого равнялась четырем Франциям?) не помещался.

Пока не появилась тотальная космическая слежка за бригадами по системе GPS, с левыми перевозками дело обстояло просто.

Сначала следовало накопить километраж, который по идее должен жестко контролироваться старшим по бригаде, то есть – врачом или фельдшером, и диспетчерами. Но то по идее, а на деле возможны варианты... Если к каждому вызову скромно приписывать по два-три километра, то за трое суток накопится на поездку из Выхина в Солнечногорский район, где у Кукина была дача. Главное – сменщиков предупредить, чтобы не вздумали бы присвоить себе накопленное, а продолжали копить километры. Ну а потом все просто – выпросить госпитализацию на север Москвы и оттуда уже махнуть на дачу, ибо недалеко.

Для человека несведущего, слова «выпросить госпитализацию» звучат абсурдно. Кто разрешит везти человека из Выхина в Тушино или Ховрино, если под боком тоже есть больницы, причем – не одна?

Так-то оно так, но возможны варианты.

Известно ли вам, что соседские куры всегда лучше несутся, соседская малина всегда крупнее и вообще у соседа все лучше? Всемирный закон соседского превосходства распространяется и на медицинские учреждения. Большинство людей считает ближние больницы плохими, а дальние хорошими. Почему? Да потому что в ближних «кузницах здоровья» люди мрут, словно мухи, а вот про дальние ничего такого не слышно. При том, что больницы совершенно одинаковые – городские клинические многопрофильные.

Парадокс?

«Никакого парадокса – голая статистика!», как говорит один великий мыслитель нашего времени.

Дело в том, что в ближние больницы попадает много знакомых из числа соседей, школьных друзей и их родственников и т. п. Чем больше случаев, тем больше негативных впечатлений, тем больше летальных исходов – это закон статистики. В результате при упоминании ближней скорпомощной больницы человек сразу же вспоминает, что там завершили жизненный путь многие из знакомых, и это формирует негативное отношение к больнице. Рассказы выживших тоже вносят свою лепту, потому что о больницах всегда рассказывают больше плохого, чем хорошего, сама болезнь к этому располагает. А про дальние больницы никто ничего такого не слышал, потому что из соседей туда никто не попадал... Поэтому среднестатистический житель Выхина неохотно согласится на госпитализацию в «пятнашку» или «шестьдесят смертельную», но с радостью поедет в «шестьдесят хорошую», которая находится в Хорошево-Мневниках. Еще и бригаду отблагодарит за такую заботу. Полдела, как говорится, сделано, осталось уговорить принцессу.[1 - Если кто не понял, о какой принцессе идет речь, то вот отрывок из повести Леонида Соловьева «Очарованный принц», в которой рассказывается о приключениях Ходжи Насреддина и Багдадского вора:«- Рассказывают, что впоследствии Багдадский вор женился на дочери калифа, - напомнил Ходжа Насреддин.- Чистейшая ложь! Все эти рассказы обо мне, относящиеся к различным принцессам, - вздор и выдумки. С детских лет я презирал женщин, и - благодарение Аллаху! - никогда не был одержим тем странным помешательством, которое называют любовью. - Последнее слово он произнес с оттенком пренебрежения, видимо немало гордясь своим целомудрием. - Помимо того, женщины, когда их обворуешь даже на самую малость, ведут себя так непристойно и поднимают такой невероятный крик, что человек моего ремесла не может испытывать к ним ничего, кроме отвращения. Ни за что в мире я не женился бы ни на какой принцессе, даже самой прекрасной!- Подождем, пока ты не изменишь к лучшему своего мнения о китайской либо индийской принцессе, - вставил Ходжа Насреддин. - Тогда я скажу: полдела сделано, остается только уговорить принцессу».]

С принцессами, то есть с диспетчерами отдела госпитализации раньше несложно было договориться. Это сейчас в их работе доминируют жесткие временные стандарты, а раньше достаточно было сказать, что госпитализируемый только что выписался из «шестьдесят хорошей» или что у него там жена или сестра работает врачом (кто проверит?) – и вождеденное место давалось без дополнительных вопросов.

В день X Юренив без труда получил место в «шестьдесят хорошей» для пенсионерки с ишемической болезнью сердца. Пациентка была абсолютно стабильной и в больницу ложилась не по состоянию здоровья, а из финансовых

соображений. Пролежать месяц на всем готовом – существенная экономия, да, вдобавок, еще и за свет и воду не платишь. Юренив прекрасно понимал, что хитрая бабулька симулирует сердечный приступ, но оставлять ее дома было бы неверно – вызовет снова. И будет вызывать до тех пор, пока ее не увезут... Плавали – знаем. Лучше уж сразу.

Услышав: «а не хотите ли вы в «шестьдесят хорошей полежать?», бабулька так обрадовалась, что одарила Юренива бутылкой водки из неприкосновенного запаса, отложенного на собственные похороны.

В белой машине с красным крестом ехали три счастливых человека. Кукин радовался тому, что он наконец-то отвезет этот несчастный холодильник, которым жена уже весь мозг проела. Юренив предвкушал, как утром, после пятиминутки, он вкусно позавтракает под дареную водочку. Пациентка сидела в салоне рядом с привязанным к носилкам холодильником и радовалась предстоящему знакомству с новой больницей, о которой она ничего плохого не слышала. Фельдшера на бригаде в тот день не было, а то бы он тоже чему-нибудь радовался бы.

Сдав бабульку в приемный покой, Юренив не стал отзваниваться на подстанцию. Формально считалось, что они пока еще везут пациентку в больницу.

– Все путем! – сказал Кукин, глядя на часы. – При таких концах мы на пробки три часа спишем спокойно.

– Запросто, – согласился Юренив.

И все было бы хорошо, если бы на Ленинградке, перед самым Солнечногорском, не полетело сцепление. Ситуация аховая – техпомощь не вызовешь, поскольку первым делом спросят, какого хрена московскую бригаду занесло так далеко в Подмоскovie. И тут уж стандартная отговорка «мы пробку объезжали» не сработает. Ага, объезжали! По Большому бетонному кольцу? Ха-ха-ха!

Самостоятельно починиться было невозможно – не тот случай. Вдобавок, у обоих, и у Кукина, и у Юренива, висело на шее по два выговора и подставляться под третий им было нельзя – уволят по статье к чертям собачьим.

– Есть выход, Валера! – сказал Кукин, закончив демонстрировать великолепное знание матерной области русского языка. – Тачку бросим здесь. Холодильник довезем до дачи на попутке, тут же рядом. И заляжем на несколько дней на дно, то есть – на даче отсидимся. А потом обнаружимся и скажем, что нас около больницы взяли в заложники бандиты. Заставили ехать в Солнечногорск, а когда машина сломалась пересадили в другую тачку, привезли куда-то в деревню и несколько дней держали в подвале. Но нам посчастливилось сбежать...

– И? – скривился Юрнев. – Детский сад какой-то, Виталь. Ну сам подумай – на хрена мы бандитам сдались? Если бы речь шла о Курцевич и Рогозиной, то можно было бы понять бандитские мотивы – захотелось мужикам спелого женского тела. А мы с тобой им зачем? В сообщники агитировать?

– Не в сообщники, а на органы, – Кукин уже успел все продумать. – Смотри, Валера, какие мы здоровые мужики в самом расцвете сил! Да наши почки можно по тройной цене предлагать, не говоря уже обо всем остальном. Короче, держали они нас живьем в подвале для того, чтобы в нужный момент разобрать на запчасти. Дом, где нас держали, мы найти не можем, лиц не помним, поскольку все бандиты были в масках, в этих, где только для глаз прорези...

– Санта-Барбара какая-то! – невпопад сказал Юрнев.

– Да ты не парься, – убеждал Кукин, – тут главное все отрепетировать как следует, потому что нас будут допрашивать порознь, я знаю. Если показания совпадут, значит – все правда. Нам еще и за пропущенное время зарплату выплатят, и путевки в санаторий дадут для поправки здоровья. Мы же – невинные жертвы бандитского произвола. Соглашайся. Отдохнем у меня на даче, опять же – есть на что нам отдохнуть.

А надо сказать, что они в ту смену очень хорошо заработали, полечив от гипертонического криза на фоне выраженного алкогольного опьянения высокопоставленного чиновника из некоей автономной республики. Перед завершением командировки, в которой он выступал в роли руководителя делегации, чиновник решил оттянуться в подпольном борделе и оттянулся так, что не мог утром его покинуть. А скоро самолет, делегация в аэропорту ждет... Ну, вы понимаете.

Юренив с помощью Кукина, который ассистировал в отсутствие фельдшера, за час привел бедолагу в норму. Чиновник заплатил очень щедро, не только потому что не хотел огласки, но и потому что уже не чаял выбраться из этой передраги без негативных последствий для карьеры. Администратор борделя, находившегося в двух смежных квартирах на первом этаже жилого дома, добавила денег за то, чтобы ее по этому поводу никто не беспокоил. Юренив вписал в карту вызова выдуманного жителя Рязани, отказавшегося от госпитализации и уехавшего в сопровождении жены домой. Даже заявление от жены к карте вызова приложил ради спокойствия старшего врача. Заявление написал Кукин, изменив, насколько было возможно, свой почерк. Мог бы и не менять – водительские почерки никому на подстанции не знакомы, ведь карты вызовов заполняют врачи или, при самостоятельной работе, фельдшеры.

– Ладно, – наконец-то согласился Юренив. – Раз уж так все складывается, то давай заляжем на дно.

Пять дней они отдыхали на даче, а на подстанции их уже похоронили.

Ну а что прикажете думать? Машину нашли, а людей нет... День – нет, два – нет, три – нет... Ужас! Жена Кукина сходила к гадалке, а та сказала: «Лежит твой муж на стылой земле бездыханный...». Примерно угадала, потому что квасили Кукин с Юренивым в лежку (ну а что еще на даче зимой делать, особенно если деньги есть?) и не исключено, что именно в этот момент, вышедший «до ветру» Кукин валялся где-то между домом и сортиром.

Они уже собирались вернуться к людям, потому что деньги почти закончились, когда на соседней даче появилась хозяйка, приехавшая для контроля состояния своих владений. Увидела следы на снегу да дымок из трубы, и позвонила кукинской жене – кто это тут у вас на даче обитает? Та, разумеется, подумала, что на даче поселились бомжи (такое часто случалось и продолжает случаться). Примчалась поздно вечером с группой поддержки – отец с ружьем, брат с травматом и подруга. Вошла в дом и увидела своего пропавшего благоверного в постели с чужим мужиком.

Не подумайте чего нехорошего. Изменять жене Кукин не собирался, тем более – с Юренивым. Просто ночами на даче было холодно, а печку они топить ночью боялись, чтобы не угореть ненароком, вот и спали вместе под тремя одеялами, вместе же теплее. Кукин так незваным гостям и объяснил. Но жена его, то ли по дурости, то ли из вредности, растрезвонила кругом и повсюду о том, что застала

мужа с доктором чуть ли не в момент свершения. Дура, что с нее взять.

Юренева уволили по статье, а Кукину чудом удалось удержаться на работе. Он проработал на подстанции еще восемь лет, а потом сел за кражу, но это совсем другая история. Пока он работал, ему часто поминали этот случай. Подойдут во время перекура, хлопнут по плечу и спросят участливо: – По Орлеанской деве скучаешь, Миша?

Кукин сначала ярился, а потом перестал – надоело.

Выражение «я те что – Орлеанская дева?» в ходу на подстанции до сих пор. Никто уже и не помнит, откуда оно взялось. Люди приходят и уходят, но каждый после себя что-то да оставит.

Галоши бабки Смирновой

Когда-то давно в заповедных недрах Люблинской улицы жила одинокая пенсионерка по прозвищу «Бабка Смирнова», сильно помешанная на чистоте и также сильно страдавшая от своего беспробудного одиночества.

Потребность в общении побуждала Бабку Смирнову вызывать в режиме нон-стоп участковых врачей и скорую помощь. Навещали ее, надо сказать, весьма охотно, потому что добрая старушка со скуки и ради заработка занималась самогонварением. Часть продукта сбывалась в простом виде, а часть шла на изготовление довольно неплохих настоек, которыми она всегда угощала-одаривала медицинских работников. Наварит-наготовит, квартиру проветрит – и вызывает по вечному своему поводу «плохо с сердцем».

Своей продукцией Бабка Смирнова торговала из кухонного окна, благо жила она на первом этаже, а вот врачей приходилось впускать в дом, в этот сияющий храм Чистоты, где днем с огнем Шерлок Холмс не смог бы найти ни одной пылинки. На подстанции выражение: «чисто, как у Бабки Смирновой» стало нарицательным.

Для того, чтобы сохранить великолепную чистоту своих полов, Бабка Смирнова изготовила восемь пар войлочных галош, которые нужно было надевать сверху на обувь. Пары были разбиты по размерам, от мелкого женского до большого мужского. Конструкция галош была очень удобной. Сунул ногу и пошел, тряхнул ногой – слетело. Для предотвращения скольжения на подошвы были наклеены полоски резины. Внутри вкладывались многослойные газетные стельки, заменявшиеся после каждого использования. Музейные тапочки не шли ни в какое сравнение с этим шедевром обувного искусства.

– Вот вам тапочки, а вот моя наливочка, – говорила Бабка Смирнова, впуская гостей. Предложение, от которого невозможно отказаться.

Вспоминаю ее практически еженедельно, когда встречаю на сетевых просторах очередное сообщение о том, что сотрудник «скорой» на вызове отказался надевать бахилы... Надо творчески подходить к делу сохранения чистоты, граждане дорогие! С огоньком и выдумкой!

А бахилы, если кто не в курсе, сотрудники на вызовах надевать не обязаны. По этому поводу даже особое письмо Минздрава есть.[2 - № 14-З/3085226-7882 от 19 октября 2016 года, если кому интересно.]

Переходящий приз

Однажды ночью доктор Миронов привез с вызова девушку, полумесяцем бровь. Точнее, не из квартиры, в которую был сделан вызов, он ее забрал, а отбил по дороге у хулиганов. Хулиганы пытались познакомиться с красавицей в темном углу, но тут Провидение прислало Бэтмана-спасителя, который в годы юности очень серьезно занимался боксом (к одному из хулиганов, который из-за полученных травм не смог уползти домой, после выезжала другая бригада).

Девушку звали Кристиной и ей негде было жить. Стандартная история – приехала из Николаева к школьной подруге, после ссоры оказалась на улице, хочет закрепиться в Москве и учиться на дизайнера.

Миронов пристроил Кристину в диспетчерскую, чтоб была под присмотром, попросил напоить ее чаем, а сам уехал на следующий вызов.

Надо сказать, что внешне Кристина была очень даже ничего, а вдобавок еще и отличалась повышенной общительностью, поэтому в то время, пока Миронов лечил народ, с ней успел подружиться доктор Васильченко, заночевавший на подстанции после полусуточной смены – последний вызов, по закону подлости, растянулся на три часа (некупируемый отек легких), а среди ночи ехать домой было неохота.

Васильченко подружился с Кристиной так крепко, что утром она покинула подстанцию вместе с ним, к огромному неудовольствию Миронова. Миронов даже попытался высказать это недовольство, но Васильченко легко отбил упрек.

– Тиночка (уже Тиночка, оцените!) не крепостная, – сказал он. – Хочет идти со мной и идет.

Выражение невероятно понравилось подстанционным девам. Меняя любовников, они говорили тем, кто получил отставку:

– Я те не крепостная, по-о-онял?

Кристине нужны были российское гражданство и московская прописка, а без брака с москвичом эти блага гражданка Украины хрен получит, а если и получит, то ой как нескоро, так что через месяц сыграли свадьбу, а еще через два Кристина ушла от Васильченко, зануды и тирана, к «милому и доброму» Миронову. Правда, без развода и выписки из васильченковской квартиры. Васильченко попытался высказать Миронову свои претензии, но получил по морде тем же валенком.

– Она же не крепостная, – сказал Миронов. – Поняла, кто ты есть и вернулась ко мне (вернулась, оцените!).

Кристина постоянно ошивалась на подстанции, поэтому никто особо не удивился, когда через непродолжительное время она ушла от Миронова, зануды и тирана, к «милому и доброму» водителю Ключеву, обладателю самого большого достоинства на подстанции. Те, кто бывал с Ключевым в сауне, говорили о его достоинстве одними и теми же словами: «как у коня». Если кто не знает, то

эрегированный конский пенис может достигать в длину до 1,2 метра. Это так, к сведению.

Клюев ушел от жены и поселился с Кристиной на даче в Лыткарино. Миронов попытался было высказать Клюеву недовольство... А вот и не угадали! Клюев не стал напоминать об отмене крепостного права, а просто набил Миронову, несмотря на все его боксерские навыки, морду и предупредил, что в следующий раз сломает руку или ногу. Такой вот он был brutальный парнишка, Вова Клюев.

Забеременев от Клюева (так, во всяком случае считалось официально) Кристина ушла от него, зануды и тирана, к «милому и доброму» Васильченко, с которым во время своих хождений по рукам продолжала пребывать в браке. Разводиться ей было нельзя, поскольку заявление о получении российского гражданства еще ходило по инстанциям. Васильченко и не настаивал на разводе, он надеялся, ждал – и дождался. Беременностью не попрекал, принял ее как должное.

Родив мальчика, в котором явно проглядывали кавказские черты (непонятно только чьи), Кристина ушла от Васильченко, зануды и тирана, к... заведующему подстанцией Бахареву, который ради нее собрался разводиться со своей женой, работавшей в Департаменте здравоохранения. Развод сулил Бахареву великие карьерные неприятности, но он, ослепленный любовью, смело пошел на это.

– Чем она вас так манит? – спросила однажды у Клюева диспетчер Сиротина. – Что вы на нее так кидаетесь? Ну, допустим, она симпатичная. Но разве больше симпатичных баб нет? Это же не женщина, а переходящий приз какой-то... Вот будь я мужиком, я бы с такой прошмундой ни за какие коврижки бы не связалась.

– Ты, Люся, не мужик и потому ничего не понимаешь, – вздохнул Клюев. – И если даже я тебе начну объяснять, ты все равно не поймешь. Это только мужик понять может. Скажу тебе одно вот если бы она сейчас вернулась с ребенком ко мне, я бы ее простил. Даже с учетом того, что ребенок не мой. Да хоть бы два! Лишь бы вернулась...

Но Кристина больше ни к кому из бывших своих кадров не возвращалась. Получив вождеденное гражданство, она официально развелась с Васильченко и вышла замуж за Бахарева. А Бахарев после снятия его с заведования (явно бывшая жена удружила) ушел в частную скорую и на этом связь Кристины с

подстанцией оборвалась.

Клюева, Васильченко и Миронова на подстанции прозвали «молочными братьями», хотя при чем тут молоко, непонятно. Логичнее было бы называть их «постельными братьями» или... Ну, вы понимаете.

Бухгалтер

В середине девяностых годов прошлого века на одной из московских подстанций работал доктор Кондратов по прозвищу «Кондратий».

Брать взятки так, как их брали другие – «из рук в лапу» – Кондратий не хотел. Вымогательство ему претило, вдобавок народ, привыкший торговаться всегда и везде, почти каждый раз норовил сбить цену.

Кондратий решил придать своему лихоимству организованный и цивилизованный характер. Он напечатал несколько копий «Прейскуранта дополнительных услуг, оказываемых бригадами скорой и неотложной помощи города Москвы» и заверил его печатью, практически неотличимой от Большой Круглой Печати Главного Врача. Разница была лишь в том, что вместо слова «станция» на печати стояло слово «больница». Ошибка была сделана намеренно. Изготовление точной копии печати государственного учреждения с точки зрения закона считается более тяжким деянием, нежели изготовление чего-то похожего, но не совсем.

Также на прејскуранте красовалась замысловатая подпись главного кадровика московской скорой Сестричкина, которую просто невозможно было отличить от настоящей. И расшифровка присутствовала «Сестричкин В.В.», все, как положено.

Брал Кондратий строго по прејскуранту, выдавал в обмен на деньги пронумерованные квитанции – комар носа не подточит. Сам факт перевода скорой помощи на коммерческую основу практически ни у кого в то время удивления не вызывал. Тогда много говорилось о том, что скоро вся медицина станет платной, а врачебная помощь неимущим будет ограничена только

выписыванием свидетельства о смерти.

Работал Кондратий осторожно, с умом и разбором. Часто вызывающим «хроникам» прејскурант не показывал, и шибко умным тоже не показывал, брал только там, где можно было взять спокойно и не спалиться при этом. Система бесперебойно работала около полутора лет. Полтора года без единого срыва – нет, вы только представьте! Из-за вечной папочки с прејскурантом и квитанциями доктора Кондратова на подстанции прозвали Бухгалтером.

Разумеется, коллеги все знали, потому что от своих секретов нет. И заведующая подстанцией тоже знала, но предпочитала не вступать. Надо сказать, что на фоне повальной торговли нехорошими веществами, охватившей в те годы столичную скорую помощь, «шалости» Кондратова выглядели невинной детской забавой. Пускай уж забавляется с бумажками человек, если ему так охота.

Но сколько веревочке не виться, а все хорошее когда-нибудь заканчивается...

Однажды Кондратий так умотался, что оставил на вызове прејскурант, причем оставил крайне неудачно – у журналиста, которого интенсивно пролечил от похмелья. Придя в себя, журналист обнаружил на тумбочке прејскурант, изучил его и написал статью под чудесным названием «Цена здоровья». Статья была опубликована в одной популярной столичной газете, которую условно-образно можно назвать «Московским сплетником». К тексту прилагалась фотография одной из восьми страниц прејскуранта.

Возмущенное скорпомощное руководство пригрозило редакции «Сплетника» судом. Редакция в ответ предъявила фотокопии прејскуранта, которые скорпомощное руководство поспешило объявить подделкой, но при этом начало служебное расследование.

Бедного доктора Кондратова взяли за жабры с двух сторон – администрация требовала объяснений, а журналисты приставали с расспросами. Каждой из сторон хотелось доказать свою правоту. Судьба Кондратова не интересовала никого, кроме его самого.

Кондратий поступил мудро – взял больничный, чтобы пересидеть бурю дома. Жажущий крови Сестричкин тоже поступил мудро – в сопровождении одного из своих прихвостней явился к Кондратову домой с проверкой, которая ничего

не дала. Кондратов находился дома, был трезв и двигался так, как положено двигаться при радикулите. На выходе Сестричкин столкнулся с Журналистом, который пришел к Кондратию для разговора по душам и выяснения деталей.

– Какое чуткое у вас руководство, – закинул удочку Журналист. – Нечасто увидишь, чтобы руководитель такого уровня навещал заболевших сотрудников.

– Ели бы так, – вздохнул Кондратий. – Он угрожать мне пришел. Сказал, что если я не стану держать язык за зубами, то исчезну бесследно. Он может такое устроить, спокойно. Он вообще страшный человек, дон мафии в овечьей шкуре. Это же он дал мне прејскурант и квитанции. Буквально принудил меня заняться этим преступным промыслом. Вы думаете, что я ему половину заработанных денег отдавал? Как бы не так! Две трети! И попробуй не отдай – пустят на шаурму. Знаете, кто у него в друзьях?..

Перечислив десяток громких имен, Кондратий счел дело законченным. Смысл этой эскапады заключался в том, чтобы отбить у Журналиста всяческую охоту к продолжению расследования. Дайте опровержение мелким шрифтом и живите спокойно, а не то...

Но Журналист оказался притким и смелым. Настолько смелым, что назавтра явился к Сестричкину и начал разговор с предупреждения: «Если со мной что-то случится, то компрометирующие вас материалы будут отправлены в соответствующие инстанции...». В процессе беседы с Журналистом Сестричкин впал в истерику, закончившуюся гипертоническим кризом. С ним такое часто случалось. Истерика окончательно убедила Журналиста к причастности Сестричкина к затее с прејскурантами. Невинный человек так нервничать не станет.

Разруливать ситуацию пришлось департаменту здравоохранения, который тогда по-революционному назывался «комитетом». Газету, что, называется «дожали». Вместо второй статьи «Сплетник» опубликовал опровержение первой.

Доктор Кондратов отрицал свою вину стойко, как партизан-герой в фашистских застенках. Ничего не видел, ничего не знаю, да – на вызове был, но никаких прејскурантов не оставлял и денег не брал. Сестричкин – дон мафии? Да сроду я такой чуши никому не говорил!

Спасло Кондратия то, что у Журналиста не сохранилась квитанция с его подписью, а был только прейскурант. Да мало ли откуда мог взяться прейскурант? Знаем мы этих журналюг – они еще и не такое выдумать могут.

– На вызове был, от повышенного давления лечил, как в карте написано, никаких денег не брал!

Эта фраза настолько въелась в сознание Кондратия, что он иногда выдавал ее машинально. Едет в машине и вдруг: «На вызове был...». Или во время пятиминутки скажет.

Все жалели Кондратия, один только злобный главный кадровик желал ему зла.

– Вы понимаете, что мы с вами вместе работать на «скорой» не сможем? – пригрозил Сестричкин во время встречи, которая по его прикидкам должна была закончиться увольнением доктора Кондратова.

– Валите обратно в участковые врачи, если вам так хочется, – ответил Кондратий. – Я никуда уходить не собираюсь.

– Вышибу! – грозно рявкнул Сестричкин.

– Должности лишитесь за необоснованное увольнение, – пригрозил в ответ Кондратий. – Доказательств же у вас ровно столько, сколько в голове ума.

Насчет ума – это не в бровь, а в глаз. Энергии, аккуратности, карьерного рвения и презрения к нижестоящим у Сестричкина было, что называется, выше крыши, а вот умом его природа обделила. Во время работы выездным врачом он получил прозвище Дубовая Голова, а такие прозвища на «скорой» просто так не даются, их заслужить надо.

Кондратий проработал на скорой еще лет восемь, а затем ушел руководить приемным отделением в одной из московских больниц.

Эта история имела неожиданное продолжение. Вскоре после разборок домой к Кондратию снова пришел Журналист. Кондратий было подумал, что тот явился для выяснения отношений, но ошибся. Журналист предложил сотрудничество,

сказал, что специализируется на медицинской тематике и нуждается в источниках инсайдерской информации. Оплата сдельная, по прейскуранту (ха-ха-ха!). Так и подружились, вот кто бы мог подумать?

Мертвая рука

В лихом 1993 году, когда доктор Антонов проходил интернатуру, его родного брата, торговавшего компьютерами на ВДНХ, превращенной тогда из выставки в ярмарку, компаньон кинул на восемь тонн зелени, то есть – на восемь тысяч зеленых американских долларов.

Кинул самым наглым образом – деньги взял, а обещанную поставку не сделал. Такая сумма и в наше время – немалые деньги, а тогда на нее можно было квартиру в Москве купить, пускай и на окраине.

Расписки у Брата не было – поверил хорошему знакомому на честное слово, лопух.

– Он понимает, что я ему глаз не выколю и ухо не отрежу, поэтому и ведет себя так нагло, – пожаловался Антонову брат. – Ничем его, гада наглого, не пронять... Обидно до слез и даже глубже.

– Ухо – орган ненужный, практически рудимент, особенно для мужчины, – сказал брату Антонов. – Если глаза выкалывать, то надо сразу два, чтоб проняло, один глаз проблему не решит. Но лучше всего отрубить руку, рабочую... У него какая рука рабочая? Левая или правая?

– Что-ты! – ужаснулся брат. – Я этого не смогу! Даже если буду знать, что он после мне деньги вернет, все равно не смогу...

– С твоим гуманизмом в конвойных войсках служить надо, – сказал Антонов, – а не бизнесом заниматься. Ладно, потренируйся сегодня вечером... Да не руки рубить, а зверскую морду делать, перед зеркалом.

Еще на первом курсе Антонов устроился работать в один очень известный столичный морг и основательно там прижился. Со временем перешел из черных санитаров, которые «помой-убери» в белые, которые «гримируют-выдают». Глядя на то, как он шикает с санитарских заработков, однокашники удивлялись – на хрена тебе, Антоний, диплом? Врачом столько вряд ли поднимешь.

– Диплом мне нужен, чтобы моргом заведовать, – отвечал Антонов. – Нельзя же всю жизнь санитарить, да и вообще дань собирать приятнее и выгоднее, чем вкалывать самому.

Проходя интернатуру, он продолжал санитарить в морге, и называл себя «единственным интерном-санитаром в Первопрестольной». Так оно, скорее всего, и было.

На следующий день после разговора с братом, Антонов принес домой руку от бесхозного трупа, разобранный на анатомические препараты. Правую. Свежую, крупную, настоящую мужскую руку с татуировкой «ЖОРА» на пальцах.

– Бери руку и мамин кухонный топор и иди к своему должнику, – сказал брату Антонов. – Руку швырнешь перед ним на стол и скажешь что-нибудь страшно угрожающее. Мол, этот гад мне тоже бабло зажал, пришлось его покарать. А потом топором по столу хрясни и сделай вид, что ему сейчас тоже руку отрубишь. Сыграть-то хоть сможешь? А я буду сзади стоять и веревкой капроновой поигрывать. Ты что, думал, что я тебе компанию не составлю? Угрожать поодиночке не ходят, не принято это.

– Сыграть смогу, – ответил брат, дважды безуспешно пытавшийся поступить в Щуку. – В лучшем виде. Особенно, если ты будешь рядом.

Швыряя руку на стол, Брат не рассчитал силушку и «реквизит» угодил прямо в физиономию должника. Удар топора расколол хлипкий рабочий стол надвое. Страшные слова Брат произнес с ледяным спокойствием, отчего они прозвучали втройне страшнее. Антонов сообразил, что такое знатное начало требует соответствующего продолжения и потому на ходу изменил сценарий – вместо простого поигрывания веревкой, накинул ее на шею опешившему Должнику, малость натянул и сказал:

- Рыпнешься, сука, отрубим руку у мертвого!

Спектакль оказался настолько убедительным, что Должник обделался, а затем открыл дрожащими руками сейф и отдал Брату все восемь тысяч. Даже за испорченный стол не удержал, добрая душа.

- Значит, не судьба тебе сегодня двенадцатый экземпляр в коллекцию добавить, - сказал брату Антонов, пристально глядя на руку должника, отсчитывавшую купюры.

- Ничо, - усмехнулся брат, поигрывая топором, - за этим дело не станет.

Должник так впечатлился, что вместо восьмидесяти сто долларовых банкнот отсчитал восемьдесят четыре.

Обалдевший от счастья брат решил сразу же отпраздновать событие и затащил Антонова в кабак, где они славно нагрузились. Настолько, что решили выпить за Жору. А что такого? Не чужой же человек! Помощь в важном деле оказал, хоть и посмертно.

Ладно бы только выпили, но шепутной брат решил устроить все «по правилам». Он попросил официанта принести еще одну рюмку, налил в нее водки, накрыл рюмку ломтиком хлеба, а рядом выложил руку. А чего стесняться? Сидели-то в отдельном кабинете.

Официанта вид руки впечатлил настолько, что он попросил братьев уйти с миром, сопроводив просьбу волшебными словами «за счет заведения». Братья не возражали - они и сами уже собирались уходить.

- Прибыль к прибыли, - радовался брат. - И деньги вернули, и нажрались на халяву! Давай еще таксисту руку покажем, чтобы денег не просил.

- Нет, не покажем, - ответил Антонов и, во избежание повторения, выбросил руку в первый подвернувшийся мусорный контейнер...

Что стало с рукой мне неизвестно.

Антонов работает эндокринологом, с заведованием моргом у него не сложилось. У брата точно также не сложилось с бизнесом и потому он сейчас таксует. При встречах они непременно выпивают за друга Жору, такая вот сложилась традиция. Жены уверены, что Жора – это какой-то близкий общий друг их юности. Так оно, собственно и есть, если посмотреть на вещи шире.

Пророческое прозвище

Доктора Пытельскую за впечатляющие формы и пропорции коллеги прозвали «Вера – радость пионера».

– Ну почему обязательно пионера? – удивлялась Пытельская, любовно оглаживая руками свой выдающийся бюст. – Я и взрослого мужчину порадовать смогу.

Однако прозвище оказалось пророческим – сорокадвухлетняя Пытельская вышла замуж за своего бывшего пациента, которого она отвозила в больницу с закрытым переломом голени. Отвезла, на следующий день позвонила справиться о состоянии, еще через пару дней навестила... Так и завязался роман. Счастливому избраннику Пытельской на момент завязки романа было девятнадцать лет. Он и внешне был похож на пионера – невысокий и сильно худой. Свадебные фотографии приводили всех, кто их видел, в неопикуемый восторг.

– Вот что мне с моим мужем делать прикажете? – сокрушалась Пытельская. – Кормлю его всем самым, что ни на есть, калорийным, а он у меня тощий, как глиста. На глистов, кстати, трижды проверялся – не нашли.

– Он, наверное, все те калории, что за день получает, ночью расходует, – поддевали коллеги. – Потому и остается при своем скелете, обтянутом костями.

– Что есть, то есть, – смущенно краснела Пытельская. – Мы по ночам не скучаем.

Выйдя замуж, она отказалась от суточных дежурств и стала работать «полусутки» – с восьми утра до десяти вечера.

– Замужняя женщина должна проводить ночи дома, – говорила Пытельская и тут же уточняла. – Приличная замужняя женщина.

– Можно подумать, что ты у нас одна приличная! – обижались замужние дамы, которые работали сутками.

– Со стороны виднее, – отвечала Пытельская.

Про любовь

– Что вы можете знать о любви? – снисходительно удивлялась доктор Демичева. – Ничего вы о ней не знаете! А вот я знаю о любви все... У меня муж венеролог.

Гном

Доктора Кашина прозвали Гномом, потому что был он невысок, коренаст и бородат. Бонусом к этому прилагались ранняя лысина, нос-картошка и толстые губы. Короче говоря – не красавец, отнюдь.

Но при все том, Кашин пользовался невероятным успехом у женщин. В свободное время он только тем и занимался, что вел телефонные разговоры с разными дамами. Одним тыкал, другим выкал, но все разговоры сводились к одному – назначению свидания.

– Вера, ты готова? Я выезжаю...

– Света, сегодня не могу, уж простите. Но завтра с утра я у вас как штык...

– Леночка, а может ты за мной утром заедешь на подстанцию? Тогда мы сможем быстренько-быстренько...

Интриговало все это невероятно. Такой невзрачный мужичка – и такая популярность! На подстанционных валькирий Кашин внимания не обращал, отчего валькирии сильно негодовали. Ну как же так? Если на этакого плюгавца бабы гроздьями вешаются, значит он в том самом смысле настолько о-го-го, что на внешность можно закрыть глаза. А нам от этого о-го-го – дуля с маслом. Обидно...

Кашина арестовали на подстанции, посреди дежурства. Оказалось, что он промышлял левыми абортами на дому. Один из аборт закончился плачевно, то есть – фатально. Кашин попытался спрятать концы в воду, то есть – в землю и зарыл тело погибшей клиентки в Лосином острове, но по неопытности наделал кучу ошибок, которые быстро вывели на него оперативников.

Ненавидевшие Кашина валькирии сразу же после его ареста начали ему сочувствовать и Гномом больше не называли, только по фамилии, а то и по имени-отчеству, что на «скорой» редкость, обычно по имени-отчеству называют только заведующих подстанциями и старших врачей, а всех остальных зовут по фамилиям или просто по имени.

Конец всех песен

Супруги Назаровы работали на одной бригаде. Он был врачом, а она – фельдшером, традиционный, надо сказать, расклад, обратное встречается гораздо реже. Шутники предлагали Назаровым усыновить водителя Кирилина и тогда бригада станет полностью семейной.

Весть о том, что Назаровы разводятся, прозвучала как гром среди бела дня. «С чего бы это? – удивлялся народ. – Ведь такая дружная семья была».

Но еще сильнее удивило то, что после развода Назаровы продолжали работать вместе.

– Она у меня в печенках сидит, – говорил экс-муж, – но где я найду другого такого фельдшера, чтоб с полуслова меня понимала?

– Он у меня в печенках сидит, – вторила экс-жена, – но зато мы с ним «левак» делим с учетом интересов нашего ребенка. Третий – ему, две трети – мне. А перейди я на другую бригаду, так этих левых алиментов не увижу.

Оптимисты уверяли, что рано или поздно совместная работа восстановит распавшийся брак. Оптимисты, как всегда, ошибались. После того, как Назаров стал старшим врачом, его бывшая жена ушла со «скорой» в приемное отделение стационара. Короче говоря, разбить вазу легко, а вот склеить осколки трудно и не всегда получается. Если вы стоите на грани развода, то возьмите короткую паузу и еще раз, пусть, даже, и в сотый, взвесите все «за» и «против».

Парадокс Чеснокова

Доктор Чесноков постоянно разговаривал с невидимыми миру собеседниками, общался по телефону с представителями внеземных цивилизаций, регулярно проводил в ординаторской сложные магические обряды, направленные на привлечение денег и уменьшение процента смертности, а также ставил диагнозы «на глазок», без осмотра пациентов и представьте – иногда угадывал диагноз правильно. Но все эти милые странности не мешали ему работать в реанимационном отделении одной московской больницы, первой среди равных.

Уволили Чеснокова после того, как он пришел к главному врачу с двумя предложениями. Первое – учредить должность заместителя по анестезиологии и реанимации, которой в данной больнице в то время не было. Второе – назначить на эту должность Чеснокова.

В ходе оживленной и продолжительной дискуссии главный врач впечатлился настолько, что приказал изолировать Чеснокова в одной из палат приемного отделения и вызвать к нему психиатрическую бригаду.

Официальный диагноз шизофрении поставил крест на профессии. Шизофреникам нельзя работать реаниматологами, поскольку эта работа требует оформления допуска к работе с наркотическими средствами и психотропными веществами. А тем, кто стоит на учете в психоневрологическом диспансере, такой допуск никогда не выдадут. Шизофреник может списать всю отделенческую наркоту налево, а потом скажет, что он из-за своего

психического заболевания не понимал, что он делает... И его за это никак не накажешь, потому что у человека – ОПД, официальный психиатрический диагноз. Пришлось Чеснокову уйти в поликлинику, физиотерапевтом.

– Парадокс! – удивлялись коллеги. – Десять лет чудил человек и никому до этого дела не было. А тут пришел к главному с умным предложением – и сразу же шизофреником стал!

Конец фильма

Заметив, что доктор Сидоров постоянно хандрит, коллеги пристали с расспросами.

– Грустно мне, дорогие друзья, – отвечал Сидоров. – Потому что скоро все это (следовал взмах рукой) закончится. Для меня. Конец фильма!

Продолжать расспросы при таком ответе было невозможно и негуманно. Зачем уточнять? Ведь и так все ясно. Если человек не развивает тему, значит, так ему лучше. Да и окружающим тоже лучше. Это пациентам можно бодрым голосом нести пургу про чудеса химиотерапии и прочее разное обнадеживающее. С коллегами все гораздо сложнее. «Сколько осталось?.. Ну-ну... Ты это, держись...». Полный мрак, короче говоря.

Только диспетчер Мамалыгина осторожно спросила:

– Совсем все плохо, Леша?

– Совсем, – вздохнул Сидоров. – Полный песец и два соболя с горностаем в придачу.

Полный песец – это уже очень плохо, а два соболя с горностаем в придачу – хуже некуда. Всем стало ясно, что счет идет не на месяцы, а на недели.

Коллеги начали всячески беречь Сидорова. Водитель с фельдшером не давали ему касаться носилок, фельдшер таскал всю аппаратуру, включая и кардиограф,

который традиционно положено носить доктору (если таковой на бригаде есть). Старший фельдшер Михайлова, которую за глаза звали Цербершей, после пятиминутки убила всех наповал – подошла к Сидорову, протянула листок бумаги и сказала:

– Напишите мне, пожалуйста, какие дни вам в следующем месяце ставить.

Слово «пожалуйста» от Церберши раньше слышали только в связке: «идите на х..., пожалуйста, и не мешайте мне работать».

– Ах, ставьте что хотите, – ответил Сидоров. – Мне все равно.

Где-то через три месяца Сидоров пришел к заведующей с заявлением об увольнении.

– Зачем увольняться? – удивилась заведующая. – В вашем-то состоянии! Если вам тяжело работать, возьмите больничный. Все же какие-то деньги получите.

– Мне работать не тяжело, мне жить тошно, – выдал Сидоров. – Как только подумаю, что больше не приду на подстанцию, не сяду в машину, не поеду на вызов... Но что поделаешь? Не все в этой жизни зависит от наших желаний. Может, оно и к лучшему? Как вы считаете, Анеля Петровна?

Сердобольная заведующая разрыдалась. Сидоров начал ее успокаивать и в ходе этого процесса вдруг открылась правда. Оказывается, не было никакой болезни. Была подруга, которая залетела и поставила вопрос ребром – женись, паразит. Чувство ответственности не давало Сидорову возможности увильнуть от предстоящего бракосочетания, а интуиция подсказывала, что ничего хорошего из этого не выйдет. Вдобавок подруга настаивала на том, чтобы Сидоров перешел со «скорой» в больницу, в которой ее мать заведовала физиотерапевтическим отделением. Стационар, мол, это престижно и перспективно, а «скорая» – дыра дырой. На любые возражения Сидорову отвечали угрозой выкидыша на нервной почве.

Проводы Сидорову устроили знатные. Всего было с избытком – и добрых слов, и крепких напитков. Покидая подстанцию, Сидоров споткнулся на пороге, упал и слегка расшиб лоб. Пришлось вернуться в диспетчерскую для оказания первой помощи.

– Вернется. Скоро. Железная примета, – сказали все.

Сидоров вернулся уже через шесть месяцев, разведенным алиментщиком. Семейный быт убил чувство ответственности и все прочие способствующие браку чувства. Опять же и угроза выкидыша после родов исчезла.

– И стоило огород городить? – подкалывали коллеги.

– Надо же разок попробовать, – смеялся Сидоров, – чтобы больше никогда-никогда.

Пленительная красота эвфемизмов

Известный кардиохирург N имел привычку уединяться в кабинете с симпатичными дамами из своего рабочего окружения. Иногда его на горячем ловила жена, приходившая в клинику якобы по какому-то поводу, а на самом деле для того, чтобы обломать супругу очередное интимное удовольствие.

Всякий раз при этом говорилось одно и то же:

– Как ты мог?! – негодовала жена. – Как тебе не стыдно?! Ты же маминой могилой клялся, что больше никогда не будешь мне изменять!

– Милая, но разве это измена? – удивлялся муж. – Где ты видишь измену? Измена – это когда ужин при свечах, вино, шелковые простыни, поездки на море и прочая романтика. А это называется: «напряжение быстренько снять». Ты, пожалуйста, одно с другим не путай, договорились?!

Безусловный рефлекс

За глаза доктор Тимошин называл свою жену «вороной» и никак иначе. В телефонных беседах с женой – «милой» и «солнышком».

– В постели не путаешься, Жора? – подкалывали на подстанции.

– Как можно?! – искренне удивлялся Тимошин. – Это же безусловный рефлекс!

Роковые кружева

«Сдавшись», то есть – передав все рабочее имущество следующей смене и позавтракав (стакан горькой и бутерброд с колбасой), доктор Коршунов по привычке заглянул в комнату отдыха врачей, чтобы проверить, не забыл ли он там чего ценного.

Своего забытого не нашел, но увидел на полу черные кружевные трусы, на вид – явно дорогие, «парадно-эротические». По традиции все забытое на подстанции сдавалось в диспетчерскую. Придумав на ходу небольшое шоу, которое он устроит со своей находкой, Коршунов сунул трусы в карман джинсовой куртки и направился в диспетчерскую.

Но по пути его перехватил старший врач и начал грузить по поводу одного из вызовов. Прозвище у старшего врача было характерное, не нуждающееся в пояснениях – Шило. Когда Коршунов отделался от Шилов, находка и связанное с ней шоу начисто вылетело из его головы. Хотелось только одного – на воздух и покурить. Причем – где-нибудь подальше от подстанции, чтобы Шило снова не привязался. А то он имел привычку выскакивать за уже покинувшим подстанцию сотрудником и просить «вернуться на минуточку». На минуточку – как бы не так! Час, как минимум, будет мозг сверлить.

Шоу имело место дома. Вечером того же дня трусы нашла жена Коршунова, вознамерившаяся постирать куртку мужа. Проведенная экспертиза установила следующее.

Трусы ношеные, что просто ужасно.

Трусы очень дорогие, что еще ужаснее. У жены Коршунова такого суперского нижнего белья отродясь не бывало.

Женщину, что называется, замкнуло. Мне такого сроду не купил – раз. Мало того, что у вас на стороне творится, так ты ее трусы еще домой притащил, чтобы нюхать тайком и... хм... медитировать – два. Ты меня совсем не уважаешь – три.

Отсутствие уважения ранит сильнее, чем увядание любви. Жена устроила Коршунову скандал с небольшими травмами и уехала к маме. Навсегда.

С женой пытались объяснить коллеги, начиная с доктора Зайцевой, которая впопыхах забыла этот предмет в комнате отдыха, когда переодевалась после дежурства, и заканчивая заведующей подстанцией. Но несчастная женщина только твердила в ответ – знаю, знаю, как вы все друг дружку покрываете, развратники хреновы, наслышалась от своего бывшего муженька. Даже доктору Абашидзе не поверила, когда тот клялся всеми аджарскими клятвами, что Коршунов на подстанции ни с кем никогда не жу-жу. Да, вот такой он был добродетельный уникам, Абашидзе ни капельки не соврал.

Дело закончилось разводом. Утешая Коршунова, народ шутил насчет того, что ему надо бы жениться на Зайцевой, и сама Зайцева, находящаяся в вечном активном поиске, вроде как была не против, но Коршунов больше жениться не захотел. Правда, из добродетельного уникама превратился в одного из главных кобелей подстанции. Начал с Зайцевой, а дальше, как выражался тот же Абашидзе, «ни одного не надкусанного хачапури не оставил».

Такие дела.

Бойтесь кружев, особенно чужих, ибо они приносят несчастье.

Еще раз про любовь

Доктор Алексеева откровенно рассказывала коллегам, что на «этой долбаной скорой» ее держит только желание найти подходящего мужа. Найти, конечно же, по ту сторону баррикад, то есть – из числа пациентов. Коллеги мужского

пола, а также водители, интересовали Алексееву исключительно в гигиенических целях. Муж ей нужен был богатый, причем не просто богатый, а по-настоящему богатый. Чтоб заводы, пароходы, доходные дома, а лучше всего – собственный банк.

– Пускай даже попадет старый, – говорила Алексеева. – Это ничего, это даже лучше. Останусь богатой вдовой и буду жить, как мне хочется.

– Да ты, Лена, и молодого заездишь до смерти за полгода, – комплиментарно подкалывал водитель Канаев, главный подстанционный кобелина. – Ты же – ух!!!

– Молодого я буду беречь, – возражала Алексеева. – Это вот и есть счастье, когда муж со всех сторон устраивает. Но такого найти, все равно что в лотерею сто миллионов выиграть.

– С твоими запросами тебе надо не на «скорой», а в каком-нибудь крутом медицинском центре работать, – говорили коллеги. – Там бы ты скорее подходящего кандидата в мужья бы нашла.

– На «скорой» лучше, – возражала Алексеева. – Честнее. Я дома у людей бываю, вижу собственными глазами, как они живут. Это очень важно – видеть собственными глазами. Ведь пыль в глаза пускать несложно. Можно у приятеля костюм одолжить, а у брата двоюродного перстень с бриллиантом, и гнать понты на людях. А вот дома человек как на ладони. Опять же и семейная ситуация легко сканируется. Можно заливать, что ты холостой, будучи женатым и детным, а вот стоит только войти в прихожую, и сразу же становится ясно, кто тут живет.

Алексеева была весьма разборчивой и невероятно придирчивой, поэтому подходящий кандидат в мужья не находился очень долго. На подстанции даже сложилась поговорка «когда Ленка замуж выскочит», аналогичная «когда рак на горе свистнет». Но кто ищет ?п?р?и?к?л?ю?ч?е?н?и?й? ?н?а? ?с?в?о?ю? ?з?а?д?н?и?ц?у?, тот, как известно, всегда найдет. Кандидат нашелся, да какой кандидат – брильянт яхонтовый, джек-пот всемирный...

Во-первых, он был иностранец, пускай и турок.

Во-вторых, он был богат по-настоящему и занимался инвестированием, что звучало очень привлекательно.

В-третьих, у него были серьезные намерения. Настолько серьезные, что на втором месяце знакомства он свозил Алексееву к себе домой, в Стамбул.

В-четвертых, он был сирота, мама с папой давно умерли. Никакие терки с восточной свекровью Алексеевой не угрожали, так же, как и домогательства восточного свекра.

В-пятых, он был красив – ну прямо Омар Шариф в молодости, если кто помнит такого артиста. И полон энергии – на дежурства Алексеева стала приходиться сильно утомленной. Юсик привозил ее на подстанцию на своей «королле», открывал двери, целовал в щечку – амур-гламур и прочая няшность.

Из поездки в Стамбул Алексеева привезла великое множество фотографий «в интерьерах». Даже сидя в ванной сфотографировалась, в мыльной пене и радужном сиянии кафеля. Интерьеры были роскошнейшими, а дом, если верить Алексеевой – трехэтажным.

– Юсик сказал, что женатому человеку его круга нужен дом посolidнее, – хвасталась Алексеева. – Боюсь даже представить, что он имел в виду. Впрочем, там есть такие домины, перед которыми Эрмитаж отдыхает.

Народ открыто немножко радовался за Алексееву и втайне сильно завидовал.

И только диспетчер Оля Баранова, сорокалетняя старая дева без каких-либо перспектив, зависть свою ядовитую скрывать не стала.

– Мутный он какой-то, твой Юсик, – сказала Баранова, внимательно рассмотрев все фотографии в интерьерах. – Имеет такие хоромы, занимается инвестициями, запонки бриллиантовые носит, а ездит на раздолбанной «королле» и снимает однушку в Люблино. Одно другому резко не соответствует. Я бы, на твоём месте, Ленюк, поостереглась.

– Вот и поостерегись, если найдется желающий! – резко ответила Алексеева. – Юсик деньги на ветер швырять не любит, он их в проекты вкладывает, которые

доход приносят. Какая ему разница где жить, если он дома только спит, а так весь день в беготне? А «короллу» старую он нарочно купил, после того, как у него за полгода «трупер» и «джип» угнали, один за другим. Эту машину хоть можно спокойно на улице оставлять, а если украдут, то невелика и потеря. Опять же, гаишники реже тормозят. Это ты, Олюнчик, деньги считать не умеешь, потому что у тебя их сроду не было. А те, кто при деньгах, каждый куруш берегут!

На четвертом месяце романтических отношений Юсик, по выражению Алексеевой, «влип в дерьмо по самые уши». Его, весьма доверчивого в своем благородстве, подставил партнер, друг детства, которого Юсик считал родным братом. Ситуация сложилась аховая – в Турции на Юсика подали кучу исков по взысканию долгов, наложили арест на все его имущество, а в Москве с ним перестали иметь дело серьезные люди, поскольку вся эта гнусная история подмочила его деловую репутацию. Выход был один – срочно выплатить самые неотложные долги, чтобы восстановить репутацию и иметь возможность инвестировать дальше.

Вы следите за мыслью? Отлично! Продолжайте следить!

Юсик бился как рыба об лед, стараясь собрать в Москве нужную сумму. Именно в Москве, потому что в Турцию ему нельзя было ехать – могли арестовать, как несостоятельного должника, а сидя в тюрьме из дерьма не выберешься.

Итак, нужную сумму собрать никак не получалось, несмотря на все героические старания Юсика.

Вы следите за мыслью? Отлично! Продолжайте следить!

Пришлось Алексеевой продать свою трешку на Рязанском проспекте и дачу в Купавне для того, чтобы выручить любимого мужчину из беды.

– Какая разница, когда продавать – сейчас или через полгода? – беспечно говорила Алексеева. – Юсик сказал, что он теперь никому не доверяет и будет лично всеми делами руководить из Турции. Так оно может и не очень выгодно, зато гораздо спокойнее. Он мне уже и предложение сделал. Официальное, с кольцом, в ресторане, совсем как в кино. Через полгода я буду жить в самом лучшем районе Стамбула...

Дальше продолжать? В реальности все вышло хуже, чем вы подумали...

Разумеется, получив от Алексеевой деньги, Юсик сразу же исчез, как сквозь землю провалился. В турецком посольстве Алексеева никакой информации о нем получить не смогла. Родная милиция сказала, что заявления о пропажах иностранных граждан от посторонних лиц не принимаются. Никакого другого заявления Алексеева подать не могла, так как деньги передавала своему Юсику без расписок и свидетелей. Ну а какие могут быть свидетели между двумя влюбленными? Ай, не смешите!

В отчаянии Алексеева назанимала денег на поездку в Стамбул, чтобы явиться домой к Юсику и «посмотреть ему в глаза». Зачем ей понадобилось смотреть в бесстыжие глаза афериста и что она надеялась в них увидеть, никто так и не понял, но переубедить Алексееву было невозможно.

Дом оказался сдаваемым в аренду, Юсик просто снял его на недельку и выдал за свой. Алексеева вернулась в Москву не солоно хлебавши.

Бездомную женщину на первых порах приютила у себя диспетчер Барина (вот кто бы мог подумать?!). Она же помогла пристроиться на полуптичьих правах в одно общежитие, где можно было жить за какие-то смешные деньги. Подстанционный народ Алексееву жалел и всячески подбадривал. Впрочем, она и сама бодрилась – ничего страшного, выкарабкаюсь, я еще всем покажу, я еще три квартиры куплю, в одной жить стану, а две сдам.

Для поправки своих дел Алексеева не придумала ничего умнее торговли нехорошими веществами. Более того, она втянула в этот преступный промысел водителя Канаева и фельдшера Саркисова. Обоих она раньше использовала в гигиенических целях и потому им доверяла. Оба дурака согласились, не раздумывая, поскольку, во-первых, были не прочь восстановить былые отношения с Алексеевой, а, во-вторых, дело она собиралась ставить на широкую ногу, что обещало крупные доходы (о подробностях позвольте умолчать, но на словах ее план выглядел очень привлекательным).

Взяли их на втором месяце торговли. Организованная группа, крупный размер, сопротивление при аресте. Подельники валили все на Алексееву, Канаев так вообще пытался соскочить, изображая будто он не при делах, а оперативнику при аресте дал по морде потому что принял его за бандита. Срок светил

солидный.

Накануне суда Алексеева повесилась в камере.

Вот такая печальная история невероятной любви.

Геварыч

Доктор Евсиков был сыном легендарного революционера Эрнесто Че Гевары. Так, во всяком случае, утверждал сам Евсиков. Если точнее, то не просто утверждал, а впадал в какое-то доказательное исступление. Начиналось все спокойно: «да, это правда, Эрнесто Че Гевара – мой отец». Затем Евсиков пристально вглядывался в глаза собеседника и если замечал в них хотя бы малейший проблеск недоверия (а недоверие в той или иной степени имело место всегда), то заводился. Доставал из кармана фотографию Гевары, которую всегда имел при себе – посмотрите, какое сходство! Особого сходства, если честно, не наблюдалось, несмотря на геваровские усы и бороду. Далее начиналась арифметика. Дата рождения Евсикова – 28 июля 1961 года полностью укладывалась в его легенду. Известно же, что в конце октября 1960 года в Москву прибыла кубинская правительственная миссия, которую возглавил Эрнесто Гевара. Вот и считайте. В подтверждение прибытия делегации Евсиков показывал ксерокопию газетной статьи. К этому моменту он уже был сильно возбужден – срывался на крик, краснел, трясся. На все уточняющие вопросы Евсиков отвечал одной и той же фразой:

– У мамы был бурный скоропалительный роман, а потом родился я.

Впрочем, уточняющие вопросы задавались редко, людям не хотелось еще больше раззадоривать трясущегося Евсикова. Может, он такой же нервный, как и его предполагаемый папаша. Лучше не связываться.

Подстанционные старожилы рассказывали о том, как давным-давно один отчаянный фельдшер сказал в присутствии Евсикова что-то нехорошее о Че Геваре, то ли бандитом его назвал, то ли палачом. Недолго думая, то есть – совсем не думая, Евсиков ударом в челюсть свалил фельдшера с ног, а затем

схватил за волосы и начал бить лицом о пол. Раз пять успел приложить, пока его не оттащили. После, конечно, помирились. Примечательно, что извинения принес фельдшер. Евсиков считал себя кругом правым – честное имя родного отца защищал.

Как и положено сыну такого папаши, Евсиков был отчаянным поборником справедливости во всех ее ипостасях. Но ему это прощали. Врачам скорой помощи прощают все, кроме частых запоев и отчаянного вымогательства. На «скорую», как и в приемные отделения, что уж греха таить, очередь из желающих трудоустроиться не выстраивается года этак с восемьдесят седьмого, а до тех пор выстраивалась из молодых врачей, которым хотелось всеми правдами и неправдами закрепиться в Москве, вместо того, чтобы отбывать трехлетнюю ссылку в каком-нибудь Мухосранске-на-Амуре. Было тогда такое правило: получил бесплатное высшее образование от государства – изволь отработать три года там, куда тебя государство пошлет. Но если принести в родной институт бумажку из отдела кадров скорой помощи, где написано, что такой-то товарищ может быть трудоустроен в качестве выездного врача, то был шанс избежать отъезда в дальние края. «Сменить ссылку на каторгу», как шутили циники.

– Был бы жив мой отец, все было бы иначе! – любил повторять Евсиков. Пациенты, не знавшие биографических подробностей, принимали его за сына Сталина.

С легкой руки подстанции шутника доктора Смирнова к Евсикову прилипло прозвище «Геварыч».

– Правильнее было бы Эрнестович, – уточнял Евсиков, но на Геварыча в целом реагировал спокойно. Даже когда стажеры называли Сергеем Геварычем не обижался.

Однажды на подстанцию приехало кабельное телевидение (было когда-то такое в каждом округе столицы). Главный врач московской скорой профинансировал съемки и показ позитивного сюжета о героической работе «скориков». В числе прочих показали выступление Евсикова – «Был бы жив мой отец, Эрнесто Че Гевара, все было бы иначе...». То ли прикола ради пустили это в эфир, то ли случайно так вышло.

Спустя месяц на имя Евсикова на подстанцию пришло письмо в большом конверте. Обратный адрес – Посольство Республики Куба в Российской Федерации. Внутри было теплое дружественное письмо от самого посла, который был рад приветствовать сына легендарного Команданте, и красивый пригласительный билет на прием в посольстве по случаю Дня независимости Кубы, который должен был состояться 10 октября. Откуда в посольстве узнали о существовании Евсикова было ясно – из телевизионной передачи. А почему бы кубинцам не смотреть окружное ТВ? Подстанция и посольство располагались в одном и том же округе.

О том, что письмо может оказаться розыгрышем, никто и подумать не мог. Письмо на официальном посольском бланке (кто их, настоящие, видел-то?), пригласительный билет опять же.

В назначенный день и час Евсиков, сияющий как новенький гривенник, появился у ворот кубинского посольства на Большой Ордынке. Но дальше этих самых ворот его не пустили. Сказали, что пригласительный билет – подделка. Евсиков настаивал, что билет настоящий и, в подтверждение своей правоты, показал письмо от посла. Письмо тоже назвали поддельным. Евсиков возмутился и потребовал встречи с послом. Но вместо посла ему пришлось встретиться с дежурным майором из местного отделения.

В отделении Евсикова, что называется, понесло по кочкам. Что, по-вашему, будут делать стражи порядка с явно неадекватным гражданином, считающим себя сыном Че Гевары и угрожающим жаловаться на произвол «самому Фиделю Кастро», который потребует выдачи беспредельщиков и собственноручно их расстреляет? Разумеется, вызовут к неадеквату психиатров. Ну а у тех с «сыновьями лейтенантов Шмидтов» (это такой неофициальный термин) разговор короткий – укольчик плюс госпитализация. Ну и что с того, что коллега? На «скорой» еще быстрее умом тронуться можно, работа такая.

Кто там бывал или, хотя бы знаком с порядками понаслышке, тот знает, что вход в психбольницу стоит копейку, а выход – сто рублей. Вызволить Евсикова не смогла даже делегация с места работы, возглавляемая старшим врачом. Среди делегатов был и доктор Смирнов, публично покаявшийся в том, что это он так неудачно разыграл Евсикова.

– Такие поступки несовместимы с высоким званием врача, – сказал Смирнову заведующий отделением, в котором лежал Евсиков. – Человек болен, а вы,

вместо того, чтобы помочь, обострение у него спровоцировали... Ай-яй-яй, коллега! Как вам не стыдно? Ну, ничего, мы его полечим и все будет в порядке.

Евсиков пролежал в психушке четыре с половиной недели. Раскаявшийся Смирнов регулярно навещал его, привозил передачи и чистую одежду. В результате они сдружились, да так, что водой не разольешь. Психиатры порекомендовали Геварычу спокойную работу, поэтому ему пришлось уйти со «скорой» в медицинский колледж, преподавателем. Если кто-то думает, что учить будущих медсестер нервно, тот явно не представляет себе, как нервно работать на «скорой».

В колледже доктор Евсиков про свое родство с Че Геварой не рассказывал. И правильно делал, а то бы юные девы, чьи сердца переполнены романтикой, начали бы массово в него влюбляться, что неизбежно привело бы к осложнениям, как психическим, так и по работе.

?Patria o Muerte! ?Venceremos![З - Родина или смерть! Мы победим! (исп.)]

Давид и Голиаф

В одной больнице обидели интерна. Хотя, по уму, ему следовало бы спасибо сказать...

Дело было так. Интерн отбывал повинность в терапевтическом отделении. Однажды ему пришлось дежурить вместе с заведующим отделением, который заменял заболевшего врача. Обычно заведующие не дежурят, такая вот у них привилегия. Около полуночи скорая помощь привезла бабульку, которую отфутболила реанимация – инфаркта нет, грузите в терапию!

Заведующий отделением согласился с мнением дежурного реаниматолога – действительно, нет инфаркта, положил бабульку в палату, сделал назначения и ушел спать.

А интерну не спалось ?и?л?и? ?ему п?р?о?с?т?о? ?н?е? ?с? ?к?е?м? ?б?ы?л?о? ?с?п?а?т?ь?. И еще снедало его беспокойство по поводу бабульки. Казалось

Интерну, что все ошиблись и там на самом деле инфаркт. Интернам вообще часто кажется, что они самые умные, отсутствие опыта невероятно к этому располагает. Часа через два после того, как поступила бабулька, Интерн решил снять повторную кардиограмму. Ради контроля, чтобы подтвердить сомнения или же отринуть их прочь. Тихонечко прикатил в палату кардиограф, снял кардиограмму – и увидел на ней неоспоримые признаки свежего инфаркта.

А тут еще и бабулька резко ухудшилась – побледнела, уронила давление, перестала отвечать на вопросы. А реанимационное отделение было на том же этаже, дверь в дверь с терапией. Интерн рассудил правильно – чем вызывать дежурного реаниматолога к бабульке в палату, будить спящую постовую медсестеру и организовывать оказание медицинской помощи на месте, проще срочно доставить бабульку в реанимацию, прямо на койке. Время дорого. Тем более, что диагноз свежего инфаркт подтвержден кардиограммой – не откажут.

Решил и сделал – снял койку с тормозов и покатил в реанимацию. Интерн был дюжим парнем, койку катил легко. Примечательно, что постовая медсестра, спавшая на диванчике около своего поста, не проснулась, когда мимо нее прогромыхала койка. Так вот уработалась, бедняжка.

– А где ваш заведующий? – спросил дежурный реаниматолог у Интерна.

– Спит, – честно ответил Интерн. – Я его разбудить не успел, очень уж быстро все произошло.

Нормально ответил, как полагается. Что бы заведующему отделением не покемарить немного на дежурстве, если выдалась такая возможность? Вдобавок он же объяснил, почему не стал будить Заведующего. Интерн и Заведующему так же объяснил утром. Вначале объяснение прокатило, но вот потом начались проблемы.

Дело в том, что дежурный реаниматолог, старший врач смены, был в контрах с заведующим терапевтическим отделением, они когда-то взятку не поделили. Такое между реанимацией и другими отделениями нередко случается. То пациент реаниматологу отсыплет деньжат, а палатному врачу ничего не даст, то наоборот. Когда лечишься в разных отделениях, трудно разобраться с выражением благодарности.

Реаниматолог настучал Начмеду, заместителю главного врача по медицинской части. Заведующий терапией, мол, дрыхнет на дежурстве, а интерны за него отдуваются, инфаркты диагностируют.

Утром на пятиминутке Начмед попеняла Заведующему – что ж это вы спите на дежурстве, так можно было и совсем больную «проспать». Заведующего это сильно задело. Он вообще был обидчив и злопамятен, да еще и накручивал себя постоянно. Вот и сейчас накрутил – решил, что Интерн нарочно его не разбудил, чтобы подставить. И кардиограмму снимал втихаря не потому что беспокоить не хотел, а с далеко идущими коварными намерениями.

Жизнь у Интерна и так была несладкой – гоняли все без остановки, как это обычно с интернами и делают, а теперь стала просто ужасной. Тем более, что Заведующий не только создавал ему жизненно невыносимые условия, загружая делами сверх всякой меры и беспрестанно придираясь, но и откровенно подставлял. Например, озвучит на совместном обходе диагноз, а назавтра разнесет в пух и прах – да разве я такое говорил? Где ваша голова? Да вы вообще в медицине не разбираетесь! И сразу же докладную на имя главврача. И так не один раз, и не два.

Интерн страдал... Уволить интерна практически невозможно, но вот испортить репутацию так, что потом ни в одно приличное отделение работать не возьмут – это запросто. Придется в приемное идти, что совсем не айс. А у Интерна были амбиции и беременная жена.

Несколько раз Интерн пробовал объяснить с Заведующим, но в ответ слышал одно и то же – я тебя, сукина сына, с потрохами съем! Заведующий был уверен, что выйдет победителем в этой борьбе. Кто он? Важная персона – заведующий отделением! А и кто Интерн? Букашка мелкая. Но, как известно, на каждого Голиафа найдется свой мальчик с камнем... А Заведующий сам и создал своего персонального Голиафа.

Одной из тягостных повинностей Интерна была запись обходов Заведующего. Под диктовку. Диктовать гораздо приятнее, чем писать, все с этим согласятся? Заведующий только подписывал обходы. Скопом, все сразу. И не очень-то сильно вчитывался в написанное, читал бегло, по диагонали. Внимательно сверял лишь идентичность диагнозов, указанных в обходе и на первой странице истории болезни.

Однажды в отделении умерла шестидесятилетняя женщина с пневмонией на фоне ишемической болезни сердца и сахарного диабета. Вел ее сам Заведующий, которому из-за хронической нехватки врачей приходилось «тянуть» две палаты. Ну, как вел – обходил-обегал, диктовал и подписывал, а всю «черную» работу спихнул на Интерна. Обычное дело.

Надо сказать, что большинству пациентов и большинству их родственников, не очень-то нравится чрезмерное привлечение интернов к лечебной работе. Одно дело, когда интерн заведующего или палатного врача во время обхода сопровождает, и совсем другое, когда он за них палаты ведет. Заведующий мелькнет утречком в понедельник – и адью-мармадью, со вторника по пятницу обходы делал Интерн. И если кто-то – пациент или родственник, обращались с каким-то вопросом к Заведующему, тот отправлял их к Интерну. Как трактуется такое поведение? Не хочет он нами заниматься, противный, спихнул палаты на вчерашнего студента. При подобной трактовке любое ухудшение состояния пациентов выглядит как результат халатной невнимательности лечащего врача. Ну а если уж пациент умирает, жалобы будут обязательно, можно к гадалке не ходить.

Родственники умершей устроили два грандиозных скандала, один в отделении, а второй – в кабинете главного врача, которому пообещали, что «камня на камне от этой ср...ой больницы не оставят». Не в смысле – взорвут, а просто жалобами всех доконают.

Умный человек принимает нужные меры заранее. Для полного спокойствия Заведующий велел Интерну переписать свой первичный обход и несколько дневников (записей каждодневного осмотра), чтобы все было тип-топ. На этот раз он внимательнейшим образом читал то, что под его диктовку записывал Интерн, вносил правки, заставлял переписывать. Успокоился только после того, когда история болезни превратилась в шедевральное пособие для обучения студентов – учитесь, как надо медицинскую документацию вести. Затем история болезни была сдана в архив, где ей предстояло храниться до тех пор, пока по жалобе родственников ее не затребуют в Департамент здравоохранения.

Перед отправкой в Департамент никто из больничной администрации историю болезни умершей пациентки листать не стал. А зачем? Заведующий сказал Начмеду, что с историей все в порядке, значит – так оно и есть. Чай не дурак, двадцать лет стажа за плечами, восьмой год отделением заведует, можно сказать, что огонь, воду и медные трубы прошел.

Но в департаменте выяснилось, что жалобы пациентки и описание ее состояния не вполне соответствовали поставленному диагнозу и проводимому лечению. Основной диагноз был выставлен верно, но вот степень тяжести пациентки лечащий врач недооценил, причем самым небрежным образом. Пишет в дневнике «Жалуется на ухудшение самочувствия, нарастание одышки и тому подобное», а никаких мер не принимает, терапию не усиливает, доцента кафедры на консультацию не приглашает. Халатность, небрежность и вообще ужас какой-то. И это – заведующий отделением, то есть образцовый врач, которому доверено руководить? Поверить невозможно! Что же в этом отделении обычные врачи собой представляют?

Дело было давно, в конце девяностых. Сейчас бы на Заведующего уголовное дело завели и до суда довели, а тогда все закончилось разжалованием в рядовые врачи и выговором. Разумеется, Заведующий (то есть – уже бывший заведующий) сразу же после разжалования уволился. Очень сложно работать с теми, кем ты еще вчера помыкал. Но на прощанье Бывший Заведующий устроил в ординаторской разборку с Интерном – это ты, гад, в историю болезни исправления внес пакостные!

Интерн удивлялся и все отрицал. Другие врачи ему верили, потому что знали привычки Заведующего, который все «стремное» внимательно читал и перечитывал, прежде чем подписывать. Невозможно было представить, что он мог подписать что-то не то во время «доработки» истории болезни умершей пациентки.

В конечном итоге коллеги решили, что Заведующий от пережитого малость тронулся умом. С кем не бывает? Интерна после окончания интернатуры оставили в том же отделении, при новом заведующем. И лет через пять когда вдруг вспомнилась эта история, старшая медсестра сказала Интерну, теперь уже – полноправному и полноценному врачу отделения:

– А я вот уверена, что это ваших рук дело. Вот уверена – и все тут! Может, вы его загипнотизировали или заболтали... Не расскажете ли правду? Дело-то прошлое, а любопытно.

– Вы рассказы про отца Брауна читали? – поинтересовался Интерн. – Помните, как там человека стрелой закололи, а все думали, что кто-то за окном из лука выстрелил? «Небесная стрела» называется.

– Это вы к чему? – не поняла Старшая Медсестра, читавшая только сентиментальные любовные романы.

– А к тому, что нельзя мыслить только шаблонами, – усмехнулся Интерн. – Нужные листы можно в других историях болезни на подпись подавать, а после подписания вклеивать куда требуется, – ответил Интерн. – Странно, что за столько лет никто не догадался, это же элементарно.

Напоминаю всем читателям, что больше ни одного интерна в нашем отечестве никогда никто не обидит, потому что интернатура (одногодичная последипломная специализация) упразднена. Сразу же после окончания вуза, врачи могут работать участковыми терапевтами или педиатрами. Все прочие врачебные профессии можно получить при обучении в двухгодичной клинической ординатуре.

Интернов уже нет, но легенды о них будут жить вечно!

Жалоба

Вот вам для начала отрывок из реального документа, жалобы, написанной мужем пациентки на приехавшую по вызову скоруюпомощную бригаду. Все, как было, только множественные грамматические и орфографические ошибки исправлены.

«...моей жене стало плохо с сердцем. Я вызвал ей скорую помощь. Надеялся на лучшее, но к нам приехали два фашиста в форме скорой помощи. Вместо того, чтобы помочь больной женщине, доктор сел на кровать и попытался принудить мою жену к оральному сексу. Когда у него ничего не получилось, он уложил ее к себе на колени и начал совать ей в рот пальцы, отчего мою несчастную жену стошнило. Фельдшер в это время набезобразничал на кухне – раскидал по полу мусор из помойного ведра. Я от всего увиденного так опешил, что не мог двигаться и разговаривать. Мог только смотреть на то, как эти фашисты насильовали мою жену в рот длинным шлангом и еще смеялись при этом. Потом они захотели забрать ее с собой для продолжения развратных действий (якобы в больницу), но к этому времени я пришел в себя и выгнал их из квартиры. У этих

негодяев хватило наглости сказать: «Будет нужно, вызывайте нас еще»...»

Впечатляет? Ужасает?

Давайте посмотрим, как развивались события на самом деле.

Дело было так. Повод к вызову – женщина, 35 лет, плохо с сердцем. Налицо типичная картина алкогольного отравления. Пациентка была в сознании, но соображала плоховато, поэтому приехавший на вызов доктор Иванов-Петровский был вынужден взять инициативу в свои руки.

– Тащи емкость, Гена! – велел он фельдшеру, а сам надел перчатки, подсел к отравившейся на кровать, уложил ее животом к себе на колени и когда Гена подставил помойное ведро (другой емкости в квартире не нашлось), сунул пациентке в рот два пальца для того, чтобы вызвать рвотный рефлекс. Если пациент в сознании, то лучше опорожнить желудок перед промыванием, это аксиома.

Муж пациентки был настолько же одурманен алкоголем, как и она. Но факт «насилия над любимой женой» запомнил. И кучку мусора, который Гена вытряхнул из ведра на пол (ну не в раковину же было ведро опорожнять!), тоже запомнил. И написал жалобу. На имя главного врача станции скорой помощи города Москвы.

Старший врач подстанции, которому жалобу спустили для разбора, никакого криминала в действиях бригады не усмотрел. Все сделано, как должно быть в подобной ситуации. Желудок нужно было освободить как можно скорее? Нужно! Лучше в ведро, чем прямо на ковер? Разумеется! Ну и так далее. Вердикт старшего врача, одобренный заведующей подстанцией, был прям, как железная дорога Москва – Санкт-Петербург. Действия бригады признаны верными, а жалоба – необоснованной. Точка!

А главным кадровиком московской «скорой» тогда был некто Сестричкин, «человек с особенностями характера», как говорил один из бывших главных врачей по фамилии Эльгис. Любое оправдание сотрудника, на которого пожаловались, было Сестричкину как нож острый в ягодичную мышцу. Если начать всех оправдывать, то скоро никакой дисциплины не останется, считал этот великий человек. Не удовлетворившись разбирательством старшего врача

подстанции, Сестричкин устроил повторный разбор жалобы. Комиссионный, под своим чутким и нежным руководством.

– Вы должны были объяснить, для чего вы производите эту манипуляцию и произвести ее уважительно! – орал он на Сидорова (тихо разговаривать с подчиненными Сестричкин не любил, точно так же, как избегал орать на начальство). – Вы должны были сначала получить согласие пациентки, чтобы ваши действия не выглядели бы как изнасилование!

– Я пытался, – отвечал Иванов-Петровский. – Но она меня не понимала. Слишком много выпила. Пришлось действовать самостоятельно, на свой страх и риск...

– Странно у вас получается! – горячился Сестричкин. – С одной стороны пациентка была в сознании и потому вы вызвали у нее искусственную рвоту. С другой – она вас не понимала. Может, она все-таки была без сознания?

– Читайте карту, я там все подробно описал. И статус, и анамнез, и сколько она выпила по ее собственному признанию, – поняв, что дело пахнет керосином, Иванов-Петровский ушел в глухую оборону, а карту вызова он заполнил идеально, не придерешься.

– Так в сознании она была, или без сознания?

– Читайте карту...

Поняв, что выбить из Иванова-Петровского признание в провоцировании рвотного рефлекса у «бессознательной» пациентки (какой дурак стал бы это делать?) не удастся, Сестричкин решил зайти с другого боку. Он был не из тех, кто быстро сдается. Кремень, а не просто мужик!

– А что с мужем пациентки? – спросил он, по-ленински прищурившись. – Вот вы говорите, что он тоже не понимал ваши вопросы, например – не смог сказать, есть ли дома тазик. А почему вы его не осмотрели?

– Да потому что он не предъявлял жалоб! – ответил Иванов-Петровский. – И вообще выглядел здоровым, хоть и был пьян.

– Откуда вам знать, пьян он был или нет, если вы его не осматривали? – парировал Сестричкин. – То, что человек ведет себя неадекватно, не означает, что он пьян. Может, у него случился инсульт? Может, обострилась шизофрения? Как вы, врач, могли пройти мимо, не осмотрев человека, который возможно нуждался в вашей помощи? Да еще во время работы, при исполнении... Да врач даже в нерабочее время не имеет права проходить мимо, когда что-то не так! Вы же КЛЯТВУ давали...

По части пафоса и красивых речей Сестричкину не было равных. Оба МХАТ-а плакали по такому знатному кадру горькими слезами.

– Не имею, – внезапно согласился Иванов-Петровский. – Тут вы правы. Опять же – клятву давал, то есть – присягу. Поэтому хочу прямо сейчас вас осмотреть. Уж больно неадекватно вы себя ведете, Володя Валерьевич. Полчаса уже несете какую-то пургу. Вдруг у вас инсульт? Или это – обострение шизофрении? Расскажите, пожалуйста, как все началось?

Минут десять, если не больше, Сестричкин истерил, топая ногами и брызгая слюной. Иванов-Петровский спокойно наблюдал за происходящим и время от времени понимающе подмигивал двум другим членам комиссии – ну видите же, совсем не в себе человек. Закончив свою «арию», Сестричкин сказал:

– Завтра в десять придете за трудовой книжкой!

– На вашей могиле будут хорошо расти цветы, – ответил Иванов-Петровский.

– Почему вдруг? – опешил Сестричкин, ожидавший чего-то нехорошего, но никак не этого.

– Потому что в удобрениях недостатка не будет, – объяснил Иванов-Петровский.

Назавтра Иванов-Петровский увидел в трудовой книжке запись об увольнении по инициативе администрации. Он пошел с книжкой к главному врачу и вкратце объяснил незаконность подобного увольнения и свое желание оспаривать его в судебном порядке. По одной такой необоснованной жалобе увольнять? Ай, не смешите! Сестричкину нахамил? В чем?! Где?! Когда?! Он сам требовал обращать внимание на всех неадекватных. Может, у человека инсульт? Или обострение шизофрении?

Запись изменили на увольнение по собственному желанию. Однако Сестричкин поклялся своей честью (нашел же, чем клясться, бедолага!), что Сидоров в Москве и Подмоскovie не сможет никуда устроиться даже санитаром.

И напакостил ведь, сучий потрох. Когда Сидоров пришел устраиваться на ведомственную «скорую» МВД, его там встретили с распростертыми объятьями. «Завтра же приходите оформляться, а послезавтра – на дежурство, у нас народу не хватает», сказала начальница. А назавтра глазки в пол и «извините, все ставки заняты, ошибочка вышла». Ясно же, какая это «ошибочка». Позвонили Сестричкину, а тот навел шороху...

Помыкавшись с месяц, Иванов-Петровский устроился врачом в приемное отделение крупной скорпомощной больницы. Там с кадрами было настолько плохо, что брали всех подряд, лишь бы диплом врачебный был. Спустя год Иванова-Петровского назначили исполняющим обязанности заведующего отделением, а еще через полгода приставку «исполняющий обязанности» убрали... Сейчас он работает заместителем главного врача по медицинской части. Такие вот дела.

Как растут цветы на могиле Сестричкина я не знаю, не было случая проверить. Да и желания, признаться, тоже не было. Но хочется верить, что растут они хорошо, цветут по весне буйным цветом. Всегда же хочется верить в лучшее...

Сублимация или любовь творит чудеса

Фельдшер Авдеева была сильно и безнадежно влюблена в доктора Сабанова, у которого был роман-любовь с диспетчером Козоровицкой. Крутили они этот роман в квартире Авдеевой, которая два раза в неделю отдавала им ключи, а сама ночевала на подстанции, благо та находилась рядом.

– Какого хрена, Лена? – интересовались близкие подруги, посвященные в сердечные тайны Авдеевой. – Как ты можешь своими руками... То есть – чтоб в твоей квартире... Ну вообще!

– А может мне приятно, что он хоть так в моей постели бывает... – отвечала Авдеева. Прозвище у нее было «Мать Тереза». Ехидный водитель Дулов добавлял: «...два зуба, четыре протеза».

Торговец органами

– Вот плюну на все и уйду органами торговать! – кричал на всю подстанцию доктор Кочергин в ответ на каждую начальственную нахлобучку.

Несведущие новички ужасались... На самом деле Кочергин грозился уйти в помощники к тестю, торговавшему мясом и птицей аж на четырех московских рынках. Но об этом знали только посвященные.

– А у тестя он будет орать: «уйду людей мучить», – говорила старший фельдшер Федотова, ненавидевшая Кочергина по глубоким личным мотивам (когда-то она упустила шанс из Федотовой стать Кочергиной).

С наступающим!

28 апреля считается днем рождения службы скорой медицинской помощи в России и профессиональным праздником – Днем работников скорой медицинской помощи.

На Энской столичной подстанции работал фельдшер Боря Сорокин. И был у Бори пунктик (а кто из нас не без греха?) – он не мог покупать сахар. Вот не мог отдавать за этот прозаический продукт свои кровные гроши, как заработанные, так и вымогнутые на вызовах. Но при этом Боря любил сладкий чай, чтоб не меньше трех ложечек с верхом на стакан.

Вообще-то на «скорой» народ простой и душевный. Другие там не особо приживаются. Забыл, к примеру, человек дома паек, так народ его в складчину поддержит – не голодать же на дежурстве. Жена фордыбачит – так найдется, кому утешить. Муж объелся груш и не оказывает внимания – кто-то из коллег

заполнит пустоту в душе. Но при всей простоте нравов есть одно строгое табу – чужого без спросу брать нельзя. Даже если хозяин сахара на вызове, а тебе приспичило выпить чаю, нельзя отсыпать сахарку и потом в этом признаться. Сначала спроси, а пока не спросил то этого сахара или чего-то другого для тебя не существует. Надо сказать, что подобная строгость оправдана, поскольку есть грани, через которые нельзя переступить, ибо обратного пути не будет.

Боря не только внаглую брал чужой сахар, доверчиво оставленный на кухонном столе, он еще мог и чужой шкафчик скрепкой отмыкнуть для того, чтобы отсыпать грамм двести себе в пакетик и унести домой. А что делать, если дома нет сахара? Покупать? Ой, не смешите, а то я просыплю... Когда Борю стыдили, он отвечал: «Ну как же вам не стыдно из-за трех ложек сахара кипиш поднимать?». И смотрел при этом ясным ленинским взглядом с характерным прищуром. У народа опускались руки. Ну не бить же его, козла эдакого, за три ложечки сахара и даже за десять.

Сильнее всего бесцеремонная Борина простота бесила доктора Абашидзе.

– Нет, я не жлоб! – горячился Абашидзе, стуча волосатым кулаком в широченную грудь. – Мне сахара не жалко! Что такое сахар? Пустяк! Но мне неприятно, что этот паразит залезает ко мне в шкафчик как в свой собственный марани![4 - Винный погреб (груз.).] И даже «извини-спасибо» не говорит, как будто я обязан его сахаром снабжать!

Однажды потомок суровых аджарских князей решил отомстить Боре и придумал страшную месть перед которой блекли все деяния графа Монте-Кристо. Сахар, как известно, белый, кристаллический и имеет выраженный сладкий вкус. Много чего к нему можно подмешать так, чтобы примеси остались незамеченными. Абашидзе и подмешал. И оставил баночку с сахаром на кухонном столе, вроде бы забыл убрать в шкафчик перед отбытием на вызов.

Разумеется, никого он в свой план посвящать не стал. Знают двое – знает свинья, да и вообще кроме Сорокина никто на подстанции чужого без спросу не ополовинивал. Абашидзе уехал на вызов со спокойной душой, твердо зная, что месть его будет адресной. Невинный не пострадает.

А вот теперь давайте оставим Абашидзе в покое и поговорим про диспетчера Любу Сиротину. У Любы был сахарный диабет второго типа. Как она сама

считала, развившийся на нервной почве. И в тот самый день Люба забыла пообедать, потому что дежурство выдалось крайне беспокойным, настоящая запарка была.

При этом таблетки свои, стимулирующие выработку инсулина, Люба выпить не забыла, забыла только поесть. И вспомнила об этом только тогда, когда ее «повело». Резко рухнула концентрация глюкозы в крови – выработку инсулина простимулировала, а обеспечить организм глюкозой, то есть – пообедать, не удосужилась. Нужно было срочно съесть немного сахара, иначе – кранты.

Своего сахара у Любы, разумеется, не было. На хрена диабетика сахар? Но на кухонном столе очень удачно нашлась баночка, забытая доктором Абашидзе. В обычных условиях Люба никогда не взяла бы чужого сахара без ведома владельца. Но сейчас был исключительный случай, а в исключительных случаях можно поступиться некоторыми принципами. Люба съела пару столовых ложек и сразу же почувствовала себя лучше.

Но вышло по Гайдари (тому, который Аркадий) – и все бы хорошо, да что-то нехорошо. Спустя некоторое время Люба ощутила сильный двойной позыв, да такой, что еле успела добежать до туалета...

Живот крутило, мочевой пузырь сокращался примерно столь же часто, как и сердце, а посадить на свое диспетчерское место было некого – заведующая уехала на Центр, старший фельдшер болела, а другой старший фельдшер, который по аптеке, уехал вместе с заведующей. И все бригады были в разгоне. На подстанции, кроме Любы, были только охранник Вова и кастелянша Марьянна. Вова – тупой, как пробка и не может оставить пост у входа. Марьянна – пьяная после традиционного обеденного возлияния. Вот и пришлось Любе выкручиваться самой – бегать между туалетом и диспетчерской, где попеременно звонили телефоны и «свистела» рация.

Во время одного ответственного разговора с Центром, который никак не удавалось завершить, с Любой прямо в диспетчерской случился конфуз. Двойной. Но она не бросила трубку, а довела разговор до конца и сразу же после того начала передавать вызов бригаде... В этот момент и в таком неприглядном виде ее застала вернувшаяся на подстанцию бригада...

Вы думаете, что после этого Боря Сорокин перестал брать чужой сахар? Отнюдь. Но в шкафчик к Абашидзе он больше не залезал. И то хлеб.

...Удаколог

– Я не кардиолог! – говорил пациентам доктор Беляев, входя в противоречие с табличкой, висящей на двери его кабинета. – Я – аритмолог!

Пациенты строем шли жаловаться главному врачу и его замам. Почему у в кабинете кардиолога аритмолог какой-то сидит? Наведите порядок.

– Ну зачем же вы снова?! – стенала заместитель главного врача по лечебной части. – Ну сколько же можно...удаколога из себя строить?!

– Я не...удаколог, а кардиолог! – обиженно возражал Беляев. – Если забыли, то сверьтесь с приказом о приеме на работу.

Супчик

– Эх, сейчас бы супчику горяченького да с потрошками! – говорил на вызовах доктор Рахманов и тут же добавлял. – Да вот беда, некогда нам рассиживаться...

Народ сочувственно совал Рахманову деньги.

Заклинание работало безупречно.

Склонная к мистицизму фельдшер Паршина считала, что Рахманову покровительствует харизматичный дух Высоцкого.

Упертая личность

Когда доктор Макаров возвращался на подстанцию со свежими следами побоев на нордической физиономии, коллеги ухмылялись и спрашивали:

– Опять констатировал?

– Угу, – мычал Макаров. – Очередные сволочи...

Всем скорпомощникам приходится констатировать смерть. У этой процедуры есть определенные правила (Гугл вам в помощь). Но у Макарова был свой метод – он облизывал подушечку большого пальца, прижимал ее к глазу покойника и говорил:

– Все!

Почему-то такой ритуал почти всегда не нравился родственникам покойного. Культурные писали жалобы, некультурные отвешивали тумачков, но Макаров привычке не изменял.

Фашист

Отец доктора Журкина был заместителем главного врача крупной московской больницы и очень уважаемой личностью в медицинских кругах. Поэтому после окончания ординатуры по терапии перед Журкиным были открыты все пути – его хотели оставить на кафедре в должности старшего лаборанта и наперебой звали в разные отделения отцовской больницы, начиная с приемного и заканчивая реанимационным. Но Журкин решил поработать год на «скорой». Так и объяснил отцу – хочу, мол, набраться ценного опыта работы в экстремальных условиях, когда можно надеяться только на себя. Поскольку сын не соглашался с доводами отца, отец был вынужден согласиться с выбором сына.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Если кто не понял, о какой принцессе идет речь, то вот отрывок из повести Леонида Соловьева «Очарованный принц», в которой рассказывается о приключениях Ходжи Насреддина и Багдадского вора:

«– Рассказывают, что впоследствии Багдадский вор женился на дочери калифа, – напомнил Ходжа Насреддин.

– Чистейшая ложь! Все эти рассказы обо мне, относящиеся к различным принцессам, – вздор и выдумки. С детских лет я презирал женщин, и – благодарение Аллаху! – никогда не был одержим тем странным помешательством, которое называют любовью. – Последнее слово он произнес с оттенком пренебрежения, видимо немало гордясь своим целомудрием. – Помимо того, женщины, когда их обворуешь даже на самую малость, ведут себя так непристойно и поднимают такой невероятный крик, что человек моего ремесла не может испытывать к ним ничего, кроме отвращения. Ни за что в мире я не женился бы ни на какой принцессе, даже самой прекрасной!

– Подождем, пока ты не изменишь к лучшему своего мнения о китайской либо индийской принцессе, – вставил Ходжа Насреддин. – Тогда я скажу: полдела сделано, остается только уговорить принцессу».

2

№ 14-3/3085226-7882 от 19 октября 2016 года, если кому интересно.

3

Родина или смерть! Мы победим! (исп.)

4

Винный погреб (груз.).

Купить: <https://tellnovel.com/ru/andrey-shlyahov/bayki-doktora-danilova-2>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)